

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

А. В. АНТОЩЕНКО

«ПОЖЕЛАЙТЕ МНЕ ОДНОГО – ЭНЕРГИИ, ЭНЕРГИИ И ЭНЕРГИИ, И ПОДУМАЙТЕ, ЧТО КРУПНЫЕ ДЕЛА ЛЕГКО НЕ ДЕЛАЮТСЯ» (к 165-летию П. Г. Виноградова)

Публикуется единственное сохранившееся письмо отца, педагога Гавриила Киприановича Виноградова, к сыну Павлу, ставшему впоследствии всемирно известным историком и правоведом. В предисловии публикатор характеризует взаимоотношения между ними. Особо отмечается то, что отец постоянно заботился о создании условий для образования сына, надеясь, что в результате тому удастся повысить свой социальный статус и, соответственно, добиться устойчивого финансового положения. Сын, осознавая значение карьерного роста, все же отдавал предпочтение творческому началу своей исследовательской деятельности и готов был пожертвовать первым ради второго. Именно это различие во взглядах, а не рано наметившиеся идейные разногласия между ними (отец был склонен к консерватизму славянофильского толка, тогда как в молодости сын разделял идеи западнического прогрессизма), были причиной того, что Павел Гаврилович Виноградов в надежде на лучшее понимание и одобрение предпочитал делиться в письмах своими творческими планами не столько с отцом, сколько с матерью и со всеми своими родными.

Ключевые слова: *биография Павла Гавриловича Виноградова (1854–1925), историкография феодализма в Англии*

В обширном эпистолярном наследии всемирно известного историка и правоведа Павла Гавриловича Виноградова (1854–1925) среди многочисленных писем родным сохранилось лишь одно письмо отцу, Гавриилу Киприановичу Виноградову (1810–1885). Тем значимее его содержание и важнее задача понять причины этого.

Будущий ученый родился 18 (30) ноября 1854 г. в Костроме в семье Гавриила Киприановича и Елены Павловны Виноградовых. Отец Павла был выходцем из духовного сословия, «обратившимся» в историка-педагога. По семейным преданиям, собранным племянницей Павла Гавриловича Еленой Николаевной Круг:

«Гавриил Киприанович принадлежал к кряжистому роду суздальцев. С покоя веков его отцы и деды священствовали в лесах Суздальского края. Это были мужицкие священники и священники мужики, кровь от крови и плоть от плоти великорусского народа. В загрубелых руках, от работы косой и мотыгой на своих погостах при шатровых церковках, они все же привыкли держать и хранить книгу. Худо или хорошо, но они освоились с писаным словом, сами учились и учили других грамоте. У Гавриила Киприановича в роду были священники, дьяконы, монахи, схимники»¹.

---

¹ Круг 2009. С. 295.

Родился Гавриил Киприанович 13 июля 1810 г. в Суздали. По тем же семейным преданиям, появление его на свет было отмечено возникновением семейной реликвии: из далекой Суздальской пустыни старец Адриан, 124-х лет, благословил своего внучатого племянника иконой Архангела Гавриила. Гавриил был единственным сыном суздальского попа. Мать его, Анна Федоровна (в девичестве – Грезьевская) тоже была духовного звания. Фамилия семьи была Яковцевские, по названию деревни Яковцевки, находившейся где-то между Владимиром и Суздалем, откуда они были родом. Подобно большинству детей духовенства, мальчик начал свою учебу в Суздальском духовном училище и продолжил во Владимирской семинарии, где ему заменили фамилию на Виноградова. Как лучшего ученика семинарии его перевели в 1832 г. «в число воспитанников среднего отделения главного Педагогического Института» в Петербурге. Среди товарищей Гавриил выделялся способностью к изучению иностранных языков: по окончании учебы на историко-филологическом отделении института он знал двенадцать языков.

После выпуска из института Г.К. Виноградов вновь оказался в Заволжье. В 1838 г. его назначили по распоряжению попечителя Московского учебного округа графа С.Г. Строганова старшим преподавателем истории и статистики в Костромской гимназии. В следующем году он стал инспектором, а потом и директором той же гимназии и, в соответствии с должностью, директором всех училищ Костромской губернии. В 1843 г. Г.К. Виноградов женился на Надежде Павловне Абатуровой. Через год у них родился сын Михаил, погибший в юности от случайного выстрела из револьвера. В 1847 г. в семье родился еще один сын – Павел, окончивший Московский университет и ставший юристом, а еще через год – Сергей, выбравший впоследствии военную карьеру². Несколько ранее, 21 сентября 1845 г., Г.К. Виноградов «за выслугу лет был награжден коллежским асессором со старшинством с 25 апреля 1839 года»³. Как достигший по гражданской службе чина VIII класса по «Табели о рангах» (т.е. «коллежского асессора») он стал потомственным дворянином, который «сообщает свое состояние всем законным его детям и потомкам обою пола» и «вносится в книгу дворянского родословия в губернии, в которой сам пожелает». 20 июня 1846 г. Г.К. Виноградов был внесен «с семейством его» (т.е. с женою и сыном Михаилом) в Дворянскую родословную книгу Костромской губернии (в формулярном списке Гавриила Киприановича упоминается 27 дес. земли, принадлежавших ему в Галичском уезде этой губернии)⁴. Полученное за выслугу потомственное дворянство передавалось его законным детям. Так

² РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 80. Л. 31; Архив МГУ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 65. Л. 1 (отд. паг.).

³ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 46. Д. 181. Л. 12–12 об.

⁴ См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 80. Л. 31.

что второй брак Г.К. Виноградова с Е.П. Кобелевой в 1853 г. (после кончины первой жены) не был препятствием для получения дворянского звания всеми его детьми.

Однако не в этом повышении социального ранга детей следует видеть значение Г.К. Виноградова в судьбе его сына Павла, на которого, несомненно, большее духовное влияние оказала мать. «Она сделала большое дело, – говорил о ней Павел Гаврилович, – подняла огромную семью и была верным другом и товарищем отца – исключительного человека, что бывало подчас нелегко. У отца, щедрого и доброго, правая рука иногда не знала, что делает левая»⁵.

Г.К. Виноградов, умудренный опытом педагог, был «человеком глубоко религиозным, постоянно серьезно настроенным, добрым, простым, доступным и доверчивым» («консерватором славянофильского толка», как кратко охарактеризовала его Е.Н. Круг). Он отнюдь не стремился навязать свои убеждения детям, а лишь хотел создать им благоприятные условия для учебы, воспитать и обучить наилучшим образом все свое молодое поколение. В том, что касалось предметов и методики обучения детей, авторитет отца был неоспорим. Исходя из собственного опыта, во главу угла их домашних занятий он поставил изучение иностранных языков. Затем следовали остальные науки. Искусства тоже входили в программу образования, как называли в то время процесс формирования личности ребенка, что предполагало не простое овладение им знаниями, но и нравственное и эстетическое его совершенствование. Дети должны были учиться рисованию, каллиграфии, музыке, танцам, гимнастике, а мальчики еще и фехтованию. Последнее занятие было в какой-то мере данью традиции дворянского воспитания. Целая вереница учителей и учительниц, русских и иностранцев, прошла через дом Виноградовых. Все дети оказались способными к иностранным языкам, и скоро они заговорили по-французски и по-немецки. Но усерднее и успешнее всех в овладении языками оказался Павел, который, как и его отец, был полиглотом, овладев также двенадцатью языками.

Павлу шел двенадцатый год, когда он, блестяще сдав экзамены, был зачислен в четвертый класс Московской 4-й мужской гимназии. Причем отец сам подготовил сына к экзаменам в гимназию по русской словесности, истории и латыни⁶. В гимназические годы Павел учился так же успешно, как начал. Несмотря на то, что блестящий гимназический аттестат П. Виноградова давал право на продолжение образования, первое его прошение о зачислении в Московский университет было отклонено «за молодостью лет», поскольку ему было лишь шестнадцать, тогда как в университет по уставу зачислялись «молодые люди, достиг-

⁵ Круг 2009. С. 296.

⁶ Там же. С. 307.

шие 17-тилетнего возраста»⁷. Юноша собрался было поступить в Александровское военное училище, но, в конечном счете, после ходатайства его отца министерство народного просвещения дало распоряжение принять Павла Виноградова на историко-филологический факультет университета⁸. И хотя в студенческие годы наметились принципиальные идейные расхождения между ними (по свидетельству Е.Н. Круг: «Отец, славянофил, с горечью видел отход сына от стародавних традиций и верований и упрекал его в западничестве. А Павел, молодой, горячий, резко осуждал отца за консерватизм и славянофильство»⁹), отец всегда приходил сыну на помощь в трудных ситуациях, когда нужно было получить поддержку в министерстве народного просвещения. Так было в 1878 г., когда Гавриил Киприанович обратился к А.П. Ширинскому-Шихматову с «покорнейшей просьбой не оставить своим милостивым вниманием и распоряжением о благоприятном исходе» ходатайства совета Московского университета о командировании П.Г. Виноградова на шесть месяцев в Германию и Италию для подготовки магистерской диссертации¹⁰. Так было и в 1883 г., когда в связи с ходатайством совета Московского университета о направлении П.Г. Виноградова в командировку в Англию на один год и три месяца для сбора в архивах материалов для докторской диссертации, он обратился к министру народного просвещения Ивану Давыдовичу Делянову, «как бывший подчиненный по службе в ведомстве императрицы Марии», с письмом, в котором писал: «Позвольте, Ваше высокопревосходительство, надеяться, что Вы не лишите сына моего возможности продолжить свои ученые труды, разрешив командирование его за границу, а равно и пособия из сумм министерства, так как нужных на то собственных средств не имеет и не может получить их с моей стороны»¹¹.

Своеобразным личным отчетом о проделанной работе и перспективах командировки стало публикуемое письмо. В нем П.Г. Виноградов четко разграничивал карьерные соображения, связанные с написанием и защитой докторской диссертации, и исследовательские, с которыми однозначно ассоциировались творчество и подлинный успех, не обязательно ведущий к немедленному повышению статуса в университетской иерархии и улучшению материального положения. Именно в верности исследовательским интересам видел смысл своей жизни историк, что, очевидно, встретило непонимание со стороны отца, так как следующее

⁷ Высочайше утвержденный Общий Устав Императорских Российских Университетов. Именной указ, данный правительствующему Сенату 18-го Июня 1863 года // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 38. Отд. 1. 1863. СПб., 1866. С. 631.

⁸ Круг 2009. С. 308.

⁹ Там же. С. 314.

¹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 303. Л. 75.

¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 694. Л. 29 об.

письмо с новым оправданием собственной позиции Павел Гаврилович адресовал уже всем родным¹². Однако этот эпизод не стал основой для раздора, поскольку отца и сына связывала общая преданность делу народного просвещения, которому они служили беззаветно. Во время продолжительной болезни отца в 1885 г. Павел Гаврилович, по свидетельству Е.Н. Круг, «как брат милосердия и санитар, служил больному». Последние словами Гавриила Киприановича, обращенными к сыну, были: «Ты – хороший. Бог любит таких»¹³.

* * *

Лондон, 19 июля 1883

Дорогой папа!

Пишу тебе на клочке простой бумаги из Британского музея¹⁴, п[отому] ч[то] иначе письмо мое опоздает к 13^{му} числу¹⁵; вчера вечером некогда было писать. А я никак не хотел бы совсем отсутствовать на твоих именинах; пусть хоть эти листки заменяют меня, хотя трудно им будет выразить, как горячо и искренне я желаю тебе всего хорошего. Надеюсь, что вы проведете 13ое число весело и главное, что Володя¹⁶ уже будет у вас в Пушкине¹⁷. С какой стати послали «Африку»¹⁸ в Ревель? Он, впрочем, говорил мне в Шербурге¹⁹, что весьма вероятно подобного рода командировка после возвращения²⁰. Как бы их не назначили только конвоировать каких-нибудь принцев.

Я провожу время в Лондоне самым удивительным образом, наподобие того, как покойный проф[ессор] Петров²¹ жил в Москве. Он, говорят, знал только две дороги из своей квартиры – в университет и к Куну²². Я больше ходил по лондонским улицам, но зато все мое время, в сущности, распределяется между двумя местами – Британским музеем до обеда и моим «garni»²³ после обеда. Я действительно много работаю и порядочно успел сделать за три недели, проведенные в Лондоне, но как раз теперь моя работа находится в довольно критическом моменте. Приходится погружаться в море мелких подробностей, мест-

¹² См.: «Такова вообще английская жизнь»... С. 88–89.

¹³ Круг 2009. С. 315.

¹⁴ Британский музей (основан в 1753 г. и открыт в 1759 г.), обладает богатейшей коллекцией рукописей. Государственный публичный архив Великобритании (Public Record Office) был учрежден в соответствии с законом 1838 г. и сконцентрировал все исторические хранилища Лондона, сюда же стали поступать и некоторые материалы из действующих учреждений.

¹⁵ 13 июля – день рождения Г.К. Виноградова.

¹⁶ Виноградов Владимир Гаврилович (1858–1928) – морской офицер, в то время мичман III экипажа Балтийского флота, родной брат П.Г. Виноградова.

¹⁷ В подмосковном Пушкине семья Виноградовых снимала дачу на лето.

¹⁸ «Африка» – крейсер (впоследствии учебное судно) Балтийского флота (1878–1917), на котором служил В.Г. Виноградов.

¹⁹ Встреча с братом произошла 13 июня и подробно описана в письме П.Г. Виноградова к родным от 28 июня. См.: Архив МГУ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 34. Л. 8–11 об.

²⁰ Имелось в виду возвращение корабля из кругосветного плавания в 1880–1883 гг..

²¹ Петров Павел Яковлевич (1814–1875) – лингвист-ориенталист.

²² Кун Александр Людвигович (1840–1888) – ориенталист.

²³ Отель с меблированными комнатами (фр.).

ных фактов, топографических, юридических и хозяйственных мелочей, и так как нырнуть туда надо с головой, на неизвестное время, и с полной неуверенностью относительно направления, по которому выплывешь, то становится очень жутко – разделся уже давно, а все похаживаю на берегу и поглядываю искоса на мутные воды. Первым отделом моей работы здесь должно быть ознакомление со сложившимся феодальным бытом норманнского периода, в кот[ором] необходимо утвердиться вполне, прежде чем переходить к англо-саксонскому и к вопросу о происхождении. Пока дело шло об изучении форм быта в XII и XIII веках по трактатам юристов того времени, можно было двигаться вперед быстро, хотя оказывалось, что в учении английских исследователей придется изменять или добавлять весьма мало. Но вот приходится теперь переходить к изучению экономических фактов, служащих подкладкою формам: материал тут громадный и страшно специальный. Надо будет проработать несколько провинций по хозяйственной статистике *Domesday book*²⁴ в XI, Черной книги казначейства в XII²⁵, по казначейским записям и монастырским грамотам. Чтобы сделать это с пользой, надо входить в самые мелкие подробности относительно количества и качества владений такого-то рыцаря или церкви, его запашки, скота, свободных арендаторов и крепостных, поднимать массу вопросов, которыми в пору заниматься местным антиквариам Уилтшира или Сомерсетшира²⁶. Мало того, что эти мелкие изыскания и трудны и скучны – они страшно продолжительны и только, если произведены в больших размерах, дают полезные результаты. Повторяю, просто ужас берет перед этой перспективой копаться месяцы, может быть, в этом материале. А еще не известно, что и сколько из него вынесешь. И все бы ничего, если бы эта часть работы была главная и вела прямо к цели, а то ведь это только передняя в целом лабиринте ходов и переходов. По мере того, как я углубляюсь в свою тему, мною овладевают два чувства, которые странным образом перемешиваются, хотя действуют в противоположных направлениях. С одной стороны, является удручающее сознание бессилия перед горами материала разнородного, частью искаженного, частью отрывочного, всегда мало понятного и иногда труднодоступного, перед сложным сплетением всякого рода вопросов и недоумений, крупных и мелких, критических и конструктивных, касающихся содержания и метода, подробностей и общей комбинации. Это чувство действует не только, когда отступишь от частных изысканий и станешь осматриваться вокруг: оно давит в каждый данный момент работы с большею или меньшею силою, потому что в каждый момент приходится сильно реализовать какую-нибудь особенную трудность этого страшного дела. С другой стороны, хотя гораздо реже, представляется, как было бы славно придти к далекому, невидимому концу, как отделилась бы такого рода работа от существующих исследований, как она могла бы послужить указанием для других исторических работ, подвести итоги длинного ряда сочинений и открыть дорогу новому ряду, какое методическое значение имело бы достижение цели. Надежды или фантазии такого рода толкают вперед среди необозримой песчаной пу-

²⁴ «*Domesday book*» («Книга Судного Дня») – кадастровая книга, земельная опись Англии, произведенная Вильгельмом Завоевателем в 1086 г.

²⁵ «Черная книга Казначейства» («*Liber Niger*», «*The Black Book of the Exchequer*») – опись королевских доходов и расходов, составленная в правление короля Генриха II.

²⁶ Уилтшир и Сомерсетшир – графства на юго-западе Англии.

стыни, но кто знает, не простой ли они мираж, манящий, недостижимый. Как бы то ни было, жребий брошен, раз я попал в эту Сахару, буду двигаться вперед, пока хватит сил. Из всего сказанного вытекает один практический результат – что я теперь совершенно не могу рассчитывать, сколько времени потребует исследование и когда можно ожидать конца. Так как оно составляет, по задуманному плану, органическое целое, из которого нельзя по произволу отделить ту или иную часть, то весьма вероятно, что моей теперешней поездки за границу едва хватит, или совсем не хватит даже на собирание материала. «Диссертация» может затянуться, но ради «диссертации» нельзя жертвовать «Сочинением». Я знаю, что Вам тяжело будет читать это, п[отому] ч[то] докторская степень и улучшение моего официального положения отдаляются таким образом еще более в туманное будущее. Кареев²⁷ уже кончил свои 60 листов да еще по философии истории²⁸ – он, впрочем, двумя курсами меня старше. Но весьма вероятно, что Кулаковский²⁹, нап[ример], ухитрится произвестись в доктора раньше меня. Не беда – дело не в этом. Только бы разрешить задачу хорошо: скорее можно разрешить не иначе как дурно. Пожелайте мне одного – энергии, энергии и энергии, и подумайте, что крупные дела легко не делаются. Знайте, кроме того, что мысль о доме и семье – одна из сил, поддерживающих меня. Вечером верчусь в своей комнате как, бывало, вертелся в зале и думаю большею частью о вас всех.

Прощайте, будьте здоровы и не скупитесь на письма.

Ваш П. Виноградов

Благодаря моему опоздавшему платью³⁰ я только на этой неделе мог начать делать визиты лицам, к которым имею рекомендательные письма. Начало очень неудачное. Фр[эд] Мирилиз³¹ уехал, проф. Фостера³² тоже нет теперь в Лондоне, секретаря нашего посольства Крупенского³³ не застал дома. В результате все еще не имею ни единого знакомого в Лондоне. Увидим, что будет дальше.

²⁷ Кареев Николай Иванович (1850–1931) – историк, социолог, ученик В.И. Герье. Член-корреспондент Петербургской АН (1910), РАН (1917), АН СССР (1925). П.Г. Виноградов был дружен с Н. И. Кареевым в студенческие годы. Последний «ухаживал» за сестрой историка – Елизаветой Гавриловной. П.Г. Виноградов выступал вторым оппонентом при защите Н.И. Кареевым магистерской диссертации, во время которой возник конфликт между диссертантом и его учителем В.И. Герье, ставший причиной отъезда новоиспеченного магистра в Варшавский университет.

²⁸ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. М., 1883. Книга была защищена как докторская диссертация в Московском университете в 1884 г.

²⁹ Кулаковский Юлиан Андреевич (1855–1919) – филолог-классик, византист, археолог. Был «конкурентом» П.Г. Виноградова во время избрания его «сторонним преподавателем» по кафедре всеобщей истории историко-филологического факультета Московского университета в 1877 г. П.Г. Виноградов выступил «неофициальным оппонентом» при защите Кулаковским магистерской диссертации и критично отзывался о ней в письме В.И. Герье.

³⁰ Багаж с вещами П.Г. Виноградова был послан отдельно и задержался в пути.

³¹ Мерилиз (Mitrieles) Фрэд (1851–1914) – шотландский предприниматель, один из представителей семьи Мерилизов, которые совместно с семьей Мьюр владели российским торговым домом «Мьюр и Мерилиз», имевшим флагманский торговый центр в Москве на Петровке (здание современного ЦУМа).

³² Фостер (Foster) Джордж Кари (1835–1919) – английский химик и физик.

³³ Крупенский Анатолий Николаевич (1850–1923) – дипломат.

Благодарю милую Лизу³⁴ за ее хлопоты с моими книгами. Если можно, прошу ее отложить номера «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik»³⁵ (тетрадь в светло желтых обертках) в сторону и поручить Милокову³⁶, когда он опять появится, передать их Чупрову³⁷, которому они принадлежат. Эти тетради лежали на столе в моей комнате.

Если Володя приехал, поздравляю его с именинами и прошу написать мне о себе. Как расстались они с «Африкой»?

Архив МГУ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–6 об. Автограф.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Круг Е.Н. Детство и отрочество П. Г. Виноградова (из семейной хроники) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 3. Омск, 2009. С. 294–315 [Krug E.N. Detstvo i otrochestvo P. G. Vinogradova (semeinaia khronuka) // Mir istorika. Vyp. 3. Omsk, 2009. P. 294–315].

«Такова вообще английская жизнь». Письма П.Г. Виноградова родным из Англии. 1883–1884 гг. // Исторический архив. 2013. № 1. С. 87–106 [«Takova voobshche angliiskaia zhizn'». Pis'ma P.G. Vinogradova rodnym iz Anglii. 1883–1884 // Istoricheskii arkhiv. 2013. No. 1. P. 87–106].

Антощенко Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Петрозаводский государственный университет; antoshchenko@yandex.ru

«Wish me one thing – energy, energy and energy and think that big business is not easily done»

The only surviving letter from a teacher Gabriel Kiprianovich Vinogradov to his son Paul, who later became a world-famous historian and jurist, is published. In the preface, the publisher describes the relationship between them. It is particularly noted that the father constantly took care to provide conditions for the education of his son, hoping that as a result of this, Paul would be able to improve his social status and, accordingly, achieve a stable financial position. The son, realizing the importance of career growth, still preferred the creative principles of his research activity and was ready to sacrifice the first for the sake of the second. It was this difference in views, rather than the early ideological differences between them (the father was inclined to Slavophilic conservatism, while in his youth the son adhered to the ideas of Westernist progressivism), that led Paul, in the hope of better understanding and approval, to share in letters his research plans not so much with his father as with his mother and with all his relatives.

Keywords: Paul Vinogradoff's biography, historiography of feudalism in England

Aleksandr Antoshchenko, PhD, Dr. Sc. (History), Professor of the Department of Russian History in Petrozavodsk State University, antoshchenko@yandex.ru

---

³⁴ Виноградова (в замуж. Соколова) Елизавета Гавриловна (1856–?) – педагог, сестра П.Г. Виноградова.

³⁵ «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik» – немецкий научный журнал по вопросам экономики и статистики, издаваемый в Штутгарте с 1863 г.

³⁶ Милоков Павел Николаевич (1859–1943) – историк, публицист, политический деятель, ученик П.Г. Виноградова в Московском университете.

³⁷ Чупров Александр Иванович (1842–1908) – экономист, статистик, общественный деятель, член-корреспондент (1887) Петербургской АН. Товарищ П.Г. Виноградова.